
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО НАРОДА В ТРУДАХ Н. М. КАРАМЗИНА

Р. Г. ХАЧАТРЯН

Русская историческая наука внесла огромный вклад в разработку вопросов истории многих народов и особенно народов СССР. Этот вклад является весьма интересным предметом историографического исследования.

Изучая проблему русская историческая мысль и Армения, мы рассматриваем и наследие Н. М. Карамзина, не ставя перед собой цели определить место и роль Карамзина в русской историографии.

Реакционная сущность исторической концепции Н. М. Карамзина и неприемлемость методологии, на которой построены его исторические сочинения, известны. Политические убеждения и политическая позиция Н. М. Карамзина, которые лежали в основе его научных трудов, сводились к защите самодержавия и крепостничества.

Идею незыблемости самодержавия Н. М. Карамзин положил в основу созданной им «Истории Государства Российского» и последовательно руководствовался ею как в освещении прошлого России, так и в определении идейно-политических задач своего труда.

Вместе с тем известно, что Н. М. Карамзин был видным писателем, историком и деятелем культуры, оказавшим в свое время большое влияние на развитие русской литературы, языка и журналистики.

Творчество Н. М. Карамзина—историка является, с одной стороны, как бы своего рода итогом достижений русской дворянской историографии XVIII в., с другой—и определенным шагом вперед в развитии русской историографии, что определялось общим развитием науки в целом.

Пользуясь новейшими достижениями исторической науки, применяя в своих исследованиях историко-сравнительный метод, Н. М. Карамзин больше увязывал историю России с общен историческим процессом и по-новому осветил целый ряд конкретных вопросов русской истории.

Н. М. Карамзин проделал большую работу и по выявлению новых исторических источников—летописей и литературных памятников, многие из которых до него не только не были введены в обращение в исторической науке, но и вообще не были известны. Н. М. Карамзин подверг тщательной и кропотливой обработке эти источники и тем самым внес большой вклад в дело расширения источниковедческой основы русской исторической науки.

Роль и место Н. М. Карамзина в русской историографии определяют целесообразность рассмотрения его научного наследия и в аспекте изучаемой нами проблемы—русская историческая мысль и Армения.

Представители русской исторической мысли на протяжении всей ее истории, наряду с интересом ко многим народам, проявляли значительный интерес и к армянскому народу.

Еще в летописный период русской историографии в многочисленных русских летописях и в других первоисточниках и литературных памятниках фиксировались интереснейшие факты и мысли, касающиеся как русско-армянских отношений, так и других вопросов, связанных с историей армянского народа.

Русская историческая наука с самого начала своего формирования уже на рубеже XVII—XVIII вв. стала не только вводить в обращение этот богатый материал, но и подвергать его научной обработке, делать из него важные научные выводы.

Рост интереса к истории русско-армянских отношений и к истории армянского народа в русской исторической науке, увеличение в ней соответствующего фактического материала и повышение уровня его научной обработки были детерминированы двумя основными факторами—эволюцией русско-армянских отношений и развитием русской исторической науки.

Процесс неуклонного сближения отношений между Россией и Арменией, вступивший в новую фазу в XVIII в. и приведший в первой четверти XIX в. к добровольному присоединению Восточной Армении к России, возникавшие в ходе этого процесса все более интенсивные и плодотворные экономические, политические и культурные связи естественно, находили свое отражение и в русской, и в армянской исторической науке.

Уже в трудах В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и других дворянских историков XVIII в. содержатся интересные факты и ценные комментарии по отдельным вопросам, касающимся русско-армянских отношений и истории армянского народа.

Однако наиболее полно и широко по сравнению с предшественниками эти материалы отражены в трудах Н. М. Карамзина. Более повышенный интерес к материалам по истории Армении, проявившийся у Карамзина, также понятен как в свете дальнейшего развития русско-армянских отношений, так и в свете дальнейшего развития русской исторической науки.

Конец XVIII и первая четверть XIX вв. составляют один из интереснейших и важнейших периодов в истории русско-армянских отношений. Это был канун добровольного присоединения Восточной Армении к России.

Официальный историограф, человек, приближенный ко двору, знающий курс политической жизни, Н. М. Карамзин был осведомлен и в области армяно-русских отношений.

Интерес Н. М. Карамзина к Армении проявился еще до написания «Истории Государства Российскаго».

Известно, что Карамзин в 1789—1790 гг. совершил большое путе-

шествие по Европе—побывал в Германии, Швейцарии, Франции, Англии.

Уже в это время молсдой Карамзин проявил интерес к истории Армении и армянам, что нашло свое отражение в его «Письмах русского путешественника».

Например, будучи в Швейцарии и описывая находящийся на склоне горы Юры городок Обон, Карамзин пишет: «Тавернье, которой объездил большую часть света,—Тавернье говорил, что он, кроме одного места в Армении, нигде не находил такого прекрасного вида, как в Обоне»¹.

Рассказывая о своем пребывании во Франции, Карамзин также сообщает интересные данные об армянах в Париже, и в числе прочего подробно описывает находившийся в церкви Целестинов монумент последнего армянского царя Левона VI и приводит о нем данные из французской хроники².

В 1802—1803 гг. Н. М. Карамзин издавал журнал «Вестник Европы». Это был журнал широкого исторического и литературного профиля, дававший также много сведений о политической и культурной жизни современного ему мира.

Наряду с другими отдельными материалами об армянах здесь заслуживает внимания взятый Карамзиным для публикации отрывок «Из новаго Оливьерова путешествия». Отрывок озаглавлен—«О провинциальном начальстве в Оттоманской империи»³.

В этом отрывке из путешествия Оливье критически описываются нравы и порядки в Оттоманской империи, рассказывается о произволе и безнаказанности пашей и говорится о том, что от этого «всех более страдают» национальные меньшинства—армяне, греки и другие, что они, пытаясь спастись от преследований, «подают жалобы в Диван, требуя, чтобы пашу сменили или наказали, но редко успевают они в своем искании, и по большей части бывают жертвою раздраженного деспота»⁴.

Обращает на себя внимание выбор Н. М. Карамзиным для публикации в журнале материала, где остр критикуются турецкие порядки и с сочувствием говорится о положении национальных меньшинств и, в частности, об армянах. Интересно и то, что это один из первых, проникших в русскую прессу материалов о положении армян в Турции, который через журнал мог стать достоянием русской общественности.

Основной интересующий нас материал по истории русско-армянских отношений и отдельным вопросам истории Армении, естественно, сосредоточен в «Истории Государства Российскаго» Н. М. Карамзина⁵.

¹ «Письма русского путешественника», часть IV, М., 1797, стр. 284.

² Там же, часть V, стр. 282—283.

³ «Вестник Европы», 1802, № 7.

⁴ Там же, стр. 265.

⁵ «История Государства Российскаго» Н. М. Карамзина издавалась много раз. Следует, однако, отметить, что не все издания «Истории Государства Российскаго» равноценны и полноценны в научном отношении. Во многих сделаны сокращения, а

Наибольший интерес в труде Н. М. Карамзина представляют, в аспекте нашей темы, материалы, впервые введенные им в обращение из русских летописей и других источников и литературных памятников, относящиеся к русско-армянским отношениям и к истории Армении.

Многие из этих материалов до Карамзина вообще не были известны или почти не фигурировали в научной литературе.

Приводимые Карамзиным данные тематически можно разделить на три категории: 1. данные о русско-армянских экономических, торговых, политических и культурных взаимоотношениях; 2. данные об армянских поселениях в России, 3. общие данные, касающиеся истории Армении.

Н. М. Карамзин сообщает интересные сведения об армяно-русских торговых связях, в частности, о торговле армян с Москвой в период Иоанна Грозного⁶.

Заслуживают внимания приводимые Карамзиным сведения о совместных русско-армянских торговых караванах.

Ссылаясь на Александро-Невскую летопись, Карамзин цитирует из нее отрывки, свидетельствующие о нападении на один из таких караванов, совершенном в районе Овечьих Вод в 1564 г.⁷

В другом архивном документе, извлеченном Карамзиным из «Крымских дел», говорится, что в 1525 г. был ограблен «на Молошных Водах купеческий караван, в коем находилось много армян и россиян»⁸.

Для изучения истории русско-армянских отношений имеют особое значение данные о раннем периоде этих отношений, характеризующие зарождение и истоки русско-армянских связей. В этом смысле очень ценны данные Карамзина об армяно-русских связях еще в период Киевской Руси. Рассказывая о торговых связях Киева в XIII в., Карамзин, например, пишет: «Греки, армяне, евреи, немцы, моравы, венециане жили в Киеве, привлекаемые меною товаров и гостеприимством Россиян»⁹.

В другом месте, ссылаясь на Киево-Печерский Патерик и др. источники, Карамзин впервые приводит интересные данные об армянах-врачах в Киеве: «Мы упомянули о лекарях: ибо врачевание принадлежит к самым первым и необходимейшим наукам людей. Во времена Мономаховы славились в Киеве армянские врачи: один из них (как пишут) взглянув на больного, всегда угадывал, можно ли ему жить, и в противном случае, обыкновенно предсказывал день его смерти»¹⁰.

в некоторых изданиях полностью отсутствуют примечания, являющиеся важнейшей частью труда Карамзина. В основе нашей работы лежит первое, правленое самим Карамзиным, издание его «Истории»—1816—1829 гг., осуществленное, за исключением последнего тома, при его жизни: Н. М. Карамзин, «История Государства Российскаго», в 12-и томах: т. 1—12, СПб., 1816—1829; в том числе: тт. 1—3—1816; тт. 4—8—1817; т. 9—1821; тт. 10—11—1824; 12—1829.

⁶ «История Государства Российскаго», т. 9, стр. 134.

⁷ Там же, стр. 35, прим. 103.

⁸ Там же, т. 7, стр. 302, прим. 301.

⁹ Там же, т. 3, стр. 201.

¹⁰ Там же, стр. 212.

Интересные данные извлечены Карамзиным из первоисточников об армянах Москвы. Благодаря этим данным можно восстановить некоторые вехи связей армян с Москвой.

По данным Карамзина, проживание армян в Москве отмечено в летописях уже в XIV в. Рассказывая на основе выписок из летописей о событиях в Москве в конце XIV в., Карамзин, говоря о Московском пожаре 1390 г., упоминает о доме армянина Авраама¹¹.

Карамзин также сообщает данные о проживании армян в Москве в XVI в. Описывая Москву конца XVI в., перечисляя отдельные дворы и участки, он пишет: «...Литейный двор (на берегу Неглинной), Посольский, Литовский, Армянский, площади Конская и Спшная, Мясный ряд...»¹² и т. д.

Наличие в этот же период армянского двора в Москве подтверждается и другим документом, приводимым Карамзиным из Архива коллегии иностранных дел и связанным с въездом в Москву семейства сибирского царя Кучума, в январе 1599 г., в котором определяется маршрут их следования. В документе сказано: «а в ту пору Литов. Двор и Армянский не затворяти...»¹³.

Интересны обнаруженные Карамзиным архивные документы (в «Делах Крымских» и «Делах папских») о дипломатической службе армянина Шапилова в Москве, в 80-е гг. XVI в. Шаплов принимал активное участие в переговорах с крымским ханом Мегмет-Гиреем в 1578 г. в составе русского посольства, возглавляемого Вас. Вас. Мосальским. Карамзин пишет: «Главным ханским послом был Арслан-Мирза, а с Вас. Вас. Мосальским находился Дьяк Армении Шапилов»¹⁴. В цитируемом при этом архивном документе говорится: «...п ныне к нам из Крыму писали послы наши К. Вас. Мосальский да дьяк армянский Шапилов, что с Крымским царем учинили нас в дружбе и любви»¹⁵.

Этот факт может свидетельствовать о том, что армяне в этот период, проживая в Москве, занимались не только торговлей и ремеслом, но и в отдельных случаях привлекались на государственную службу, принимали участие в политической жизни Московского государства.

Карамзин извлек также из Синодальной библиотеки, библиотеки Новгородского Софийского собора и церковных архивов интересные документы о взаимоотношениях православной и армянской церквей.

Привлекает внимание, например, извлеченное из Синодальной библиотеки «Послание российских митрополитов» в 1447 г. Димитрию Шемяке¹⁶, в котором, между прочим, упоминается церковная легенда об обращении армянского царя Трдата в веру за гонения Григория Провосветителя. Дело тут, разумеется, не в сути созданной церковниками ле-

¹¹ Там же, т. 5, стр. 500, прим. 254; об этом же сообщает и М. М. Щербатов: «История Российская от древнейших времен», т. IV, часть I, СПб., 1902, стр. 294.

¹² «История Государства Российского», т. 10, стр. 271.

¹³ Там же, т. 11, стр. 10, прим. 34.

¹⁴ Там же, т. 9, стр. 180, прим. 501.

¹⁵ Там же, стр. 224, прим. 622.

¹⁶ Там же, т. 5, стр. 551, прим. 350.

генды, а в том, что это свидетельствует о связи, наличествующей между православной и армянской церквами и о знании в русских церковных кругах того времени деталей из армянской церковной истории.

В числе извлеченных Н. М. Карамзиным церковных документов имеются и документы, связанные с отношением православной церкви к т. п. «армянской ереси». Однако Карамзин был далек от возможности всестороннего анализа им же самим выявленных документов, представляющих весьма большой интерес не только с точки зрения взаимоотношений двух церквей, но и по своей социально-политической направленности, с точки зрения истории реформационных движений в России.

Представляют особый интерес приводимые Карамзиным материалы из Троицкой летописи, ибо эта летопись не только впервые была обнаружена Карамзиным, но и впоследствии, как известно, исчезла.

Карамзин приводит отрывок из Троицкой летописи, где говорится о походе новгородцев в 1364 г. вниз по Волге до Нижнего Новгорода. Из текста явствует, что в это время в Нижнем Новгороде было много армян¹⁷.

Интересно, что об этом же походе новгородцев с упоминанием об армянах пишет и В. Н. Татищев¹⁸. Однако сравнение двух летописных текстов, приводимых Татищевым и Карамзиным, дает разночтения, что естественно, ибо Карамзин пользовался впервые им обнаруженной Троицкой летописью, а Татищев, видимо, цитирует другой источник.

Второй раз Карамзин ссылается на Троицкую летопись в связи с упоминанием о том, что в 1346 г. был мор в ряде стран. В летописи перечисляется ряд народов, ставших жертвами эпидемии, и в том числе армяне: «...толь же силен бысть мор,— сказано в летописи,— яко не бемошно живым мертвых погребати»¹⁹.

Приводимые Карамзиным данные свидетельствуют о том, что в русские летописи попадало много сведений об армянах, даже из таких далеких стран, как Египет.

Например, Карамзин цитирует Никоновскую летопись, в которой сообщается, что в 1366 г. князь Кипра взял город Александрию—«поплени град Александрию Египетскую»—и в числе жителей при этом упоминаются и армяне²⁰.

Такие же данные об армянах приводит Карамзин из Архангельской²¹, Воскресенской (Ростовской)²² и других летописей.

Для написания «Истории Государства Российскаго» Карамзин, помимо русских первоисточников и научных трудов русских историков,

¹⁷ Там же, стр. 404—405, прим. 8.

¹⁸ «История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым», книга четвертая, СПб., 1784, стр. 205.

¹⁹ «История Государства Российскаго», т. 4, стр. 466, прим. 357.

²⁰ Там же, т. 5, стр. 454, прим. 137.

²¹ Там же, т. 4, стр. 304, прим. 51.

²² Там же, стр. 322, прим. 105.

использовал большое количество иностранных научных трудов, а также сказаний иностранцев.

Таковыми являются труды и сочинения арабского историка Ахмет Эбн-Абдэль Вегаба, арабского историка Ибн-Гаукаля, Рубруквиса, Зиморовича, Стриттера, Гаммера, Герберштейна и других.

Основываясь на этих и других источниках, а порою и без ссылки на источники Карамзин приводит разные данные о походах аланов и хазаров в Армению²³, о взаимоотношениях Армении с Ватиканом и римскими папами и притязаниях последних²⁴, о торговле итальянцев с Арменией²⁵ и другие сведения.

Карамзин приводит интересные факты о раннем периоде общения русских и армян вне пределов России и Армении.

Заслуживает внимания взятый им из арабских источников факт о совместной службе русских и армян в византийской армии в X в. По этому поводу Карамзин пишет: «В 949 году находилось около 600 россиян в греческом флоте, отправленном к острову Криту. Полководец Никифор Фока в 962 году и 963 году имел также россиян в войске своем... Арабский историк, Ахмет Эбн-Вегаб, прозванный Новайри, пишет, что в середине Шуаля 353 (т. е. 25 окт. 964 году) греки, имея с собой многих персов, армян и россиян, окружили в Сицилии Аль-Гассана»²⁶.

Ссылаясь на сочинения львовского историка Зиморовича, Карамзин сообщает интересные сведения об армянах города Львова, в частности, о наличии армян в Львовском войске²⁷.

Интерес представляют данные Карамзина об армянских надписях, найденных в развалинах древнего города Болгар, на берегу Волги. Он пишет: «В развалинах города Болгарского в 90 верстах от Казани и в 9 от Волги, нашлись армянские надписи XII века; вероятно, что армяне, издавна славные купечеством, выменивали там русские меха и кожи на товары персидские и другие»²⁸. Описывая развалины города, он сообщает об армянских надписях еще одну весьма интересную деталь: «сии надписи,—пишет он,—переведены для государя Петра в 1722 году Казанским армянином Иваном Васильевым»²⁹.

В труде Н. М. Карамзина имеется много аналогичных данных, собранных им из самых разных опубликованных источников.

В целом приведенный Карамзиным в «Истории Государства Российского» материал, касающийся в той или иной степени Армении или русско-армянских отношений, взят из Воскресенской (Ростовской), Никоновской, Троицкой, Архангельской, Александро-Невской летописей, из записок русских сановников, из посланий русских церковных дея-

²³ Там же, т. 1, стр. 13 и 41.

²⁴ Там же, т. 1, стр. 180—181, 461, прим. 112.

²⁵ Там же, стр. 200—201.

²⁶ Там же, т. 1, стр. 427, прим. 384.

²⁷ Там же, т. 4, стр. 449, прим. 329.

²⁸ Там же, т. 3, стр. 202.

²⁹ Там же, стр. 523, прим. 239.

телей, из «персидских, крымских, папских» и других дел Архива коллегии иностранных дел и других ценных источников.

Таким образом, Карамзин одним из первых в русской историографии обнаружил ценнейшие материалы, касающиеся русско-армянских отношений и истории армянского народа, содержащиеся в русских летописях и других первоисточниках, и использовал значительную их часть в своем труде. Это способствовало дальнейшему росту интереса историков к указанным источникам в аспекте имеющихся в них материалов по Армении.

Н. М. Карамзин одним из первых в русской исторической науке ввел в обращение армянские источники. Интересно, что Карамзин в своей книге сообщает читателю сведения об армянском летосчислении³⁰, а по отдельным повсдам обращается и к армянскому языку.

Так, например, говоря о происхождении слова «король», Карамзин, приводя разные толкования, в том числе пишет: «на языке армянском король есть сильный, могущественный»³¹. Независимо от того, насколько правомерно устанавливать прямую связь между словом «король» и и армянским словом «Կարող», интересен сам факт обращения Карамзина к армянскому языку, причем толкование слова «Կարող» само по себе Карамзиным дано правильно. В другом случае Карамзин обращается к армянскому языку в связи с разъяснением имени византийского императора Иоанна Цимисхия, и правильно указывает, что «Цимисхий» — «имя прилагательное, взятое из языка армянского»³².

В своем труде Н. М. Карамзин зачастую ссылается на разные армянские источники по вопросам, касающимся истории славян, в частности, болгар, а также хазаров, аланов и других³³.

Особое место среди армянских источников Карамзин уделяет наследию известного армянского историка Моисея Хоренского (Мовсес Хоренацц). «Моисей Хоренский, — пишет Карамзин, — живший в пятом веке, был сочинителем Арменской истории»³⁴. Карамзин неоднократно ссылается на Моисея Хоренского. Говоря об аланах и их месторасположении, Карамзин, приводя ряд источников, пишет: «Моисей Хоренский полагает алан близ Кавказа»³⁵. В связи с историей болгар Карамзин также ссылается на Хоренского.

«Моисей Хоренский, Арменский историк, — пишет он, — первый упоминает о болгарях, сказывая, что еще за 100 лет до Рожд. Хр. многие из них вышли из своего древнего отечества, изгнанные внутренним мятежом, и поселились в Армении»³⁶.

³⁰ Там же, стр. 523, прим. 239.

³¹ Там же, т. 1, стр. 343, прим. 172.

³² Там же, стр. 434, прим. 401.

³³ Там же, стр. 41.

³⁴ Там же, стр. 282, прим. 46.

³⁵ Там же, стр. 262, прим. 23.

³⁶ Там же, стр. 276, прим. 41.

Далее, говоря о славянах, Карамзин пишет: «Моисей Хоренский... ранее всех говорит о славянах»³⁷. В этой же связи, говоря о происхождении слова «славяне», Карамзин отмечает:

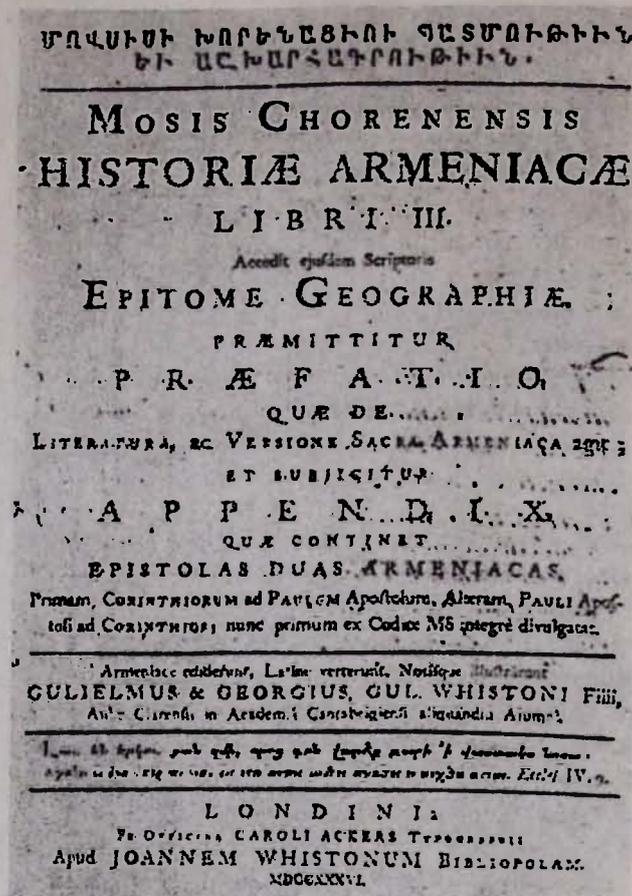

Рис. 1. Второе латинское издание
Мовсеса Хоренаца (Лондон, 1736 г.).

«Византийские историки писали всегда склавины, склави, Готфский Иорнанд так же; а Моисей Хоренский, сочинитель Арменской истории, скалавацн»³⁸.

В связи с хазарами Карамзин пишет: «Моисей Хоренский называет козаров хазирами, а некоторые византийцы аказирами»³⁹.

Можно привести и ряд других примеров. Известно, что историческая наука после Н. М. Карамзина внесла коррективы в оценку некоторых данных, сообщаемых Моисеем Хоренским, но в аспекте изучаемой

³⁷ Там же, стр. 282, прим. 46.

³⁸ Там же, стр. 277, прим. 42.

³⁹ Там же, стр. 308, прим. 85.

нами проблемы главное не это, а то, что Н. М. Карамзин одним из первых в русской исторической науке ввел в широкое обращение наследие Моисея Хоренского.

Интерес Н. М. Карамзина к Моисею Хоренскому подтверждается не только ссылками на него в «Истории Государства Российскаго», но и другими источниками, в частности, перепиской Карамзина.

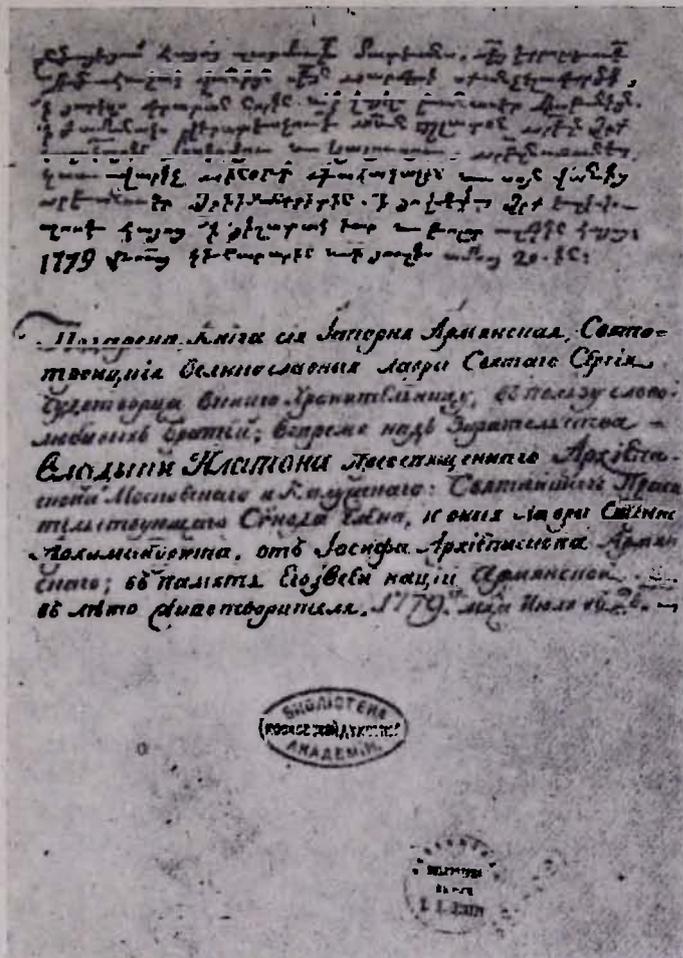

Рис. 2. Дарственная надпись Аргутинского-Долгорукого.

В этом отношении представляют большой интерес три письма Н. М. Карамзина, непосредственно относящиеся к Моисею Хоренскому, найденные и опубликованные М. Погодиным.

В первом письме, от 23-го августа 1809 г., адресованном Н. Н. Новосильцеву, Карамзин пишет:

«Милостивый Государь Николай Николаевич...

1809 г. 7—3

Думаю, что в Академической библиотеке есть Арменская история Моисея Хоренского. *Mosis Chorenepensis Historiae Armeniacaе Libri III*. Крайне изволите обязать меня, если прикажете доставить ко мне и сию книгу, которую возвращу вместе с летописью через месяц или прежде»⁴⁰.

Во втором письме, адресованном Тургеневу, от 19-го октября 1809 г., Карамзин благодарит «за доставление Ипатиевской летописи и Моисея Хоренского» и подчеркивает:—«та и другая были для меня письма нужны»⁴¹. И, наконец, в третьем письме от 12-го декабря 1809 г. Карамзин извиняется за задержку книги Моисея Хоренского и обещает вернуть—«как скоро не будет мне нужно»⁴².

Выход наследия Моисея Хоренского за рамки армянской историографии представляет определенный интерес с точки зрения истории армянской исторической науки. Мы проследили некоторые вехи этого процесса в связи с русской исторической наукой. Известно, что первое неармянское издание Моисея Хоренского было осуществлено в Стокгольме, в 1723 г. на латиноском языке, ориенталистом Генриком Бреннером, причем это был не полный перевод, а извлечения из труда Моисея Хоренского⁴³. На первый взгляд может показаться, что это издание не имеет отношения к России и к русской исторической науке, однако такой вывод не совсем соответствует действительности.

Генрик Бреннер (1669—1732 гг.)—швед по национальности, возвращаясь из одной поездки в Персию через Россию на свою родину, волею судеб, ввиду войны со Швецией был как шведский подданный задержан в России и прожил в Москве около 20 лет, до окончания войны и заключения Ништадского мира со Швецией (30-го августа 1721 г.). Лишь после этого он вернулся в Швецию и в 1723 г. издал в Стокгольме Моисея Хоренского на латинском языке. Вполне понятно, что Бреннер, вернувшись в Швецию, не мог в течение года осуществить такую работу, да и просто доподлинно известно, что Бреннер работал над переводом Моисея Хоренского долгие годы именно в Москве. Это означает, во-первых, что уже в начале XVIII в. в Москве имелся армянский оригинал труда Моисея Хоренского, над которым работал Бреннер. Далее следует учесть, что Бреннер был тесно связан с кругами русских историков того времени, так как он в Москве писал историю походов Петра I. И, наконец, известно, что Бреннер был хорошо знаком с В. Н. Татищевым⁴⁴. Естественно, что русские историки того времени, и особенно та-

⁴⁰ «Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина», М., 1866, часть II, стр. 51.

⁴¹ Там же, стр. 52.

⁴² Там же, стр. 52—53.

⁴³ *Epitome commentariorum Moysis Armeni, de origine et regibus Armenorum et Parthorum, item series principum Iberiae et Georgiae...* Stockholmiae Anno MDCCXXIII.

⁴⁴ В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, под ред. со вступит. статьей и комментариями А. И. Андреева, М., 1950, стр. 5—6.

кой любознательный человек, как В. Н. Татищев, общаясь долгие годы с Бреннером, не могли не быть в курсе его занятий над Моисеем Хоренским.

И, наконец, известно, что с декабря 1724 г. по апрель 1726 г., т. е. сразу после выхода в свет труда Моисея Хоренского в Стокгольме, Татищев находился в Швеции. Будучи в Швеции, Татищев встретился со многими учеными, в частности, с Филиппом Страленбергом, с самим Генриком Бреннером, занимался в библиотеке Упсальского университета и собирал литературу и особенно источники по истории и географии⁴⁵. В подобных обстоятельствах почти исключено, чтобы старый знакомый В. Н. Татищева, Бреннер, не преподнес ему только что изданное латинское издание Моисея Хоренского. Весьма вероятно, что именно Татищев получил и перевез в Россию это издание, вышедшее перед самым его приездом. Во всяком случае экземпляры этого редчайшего ныне издания были в России, о чем свидетельствует их наличие и сегодня в Государственной публичной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве⁴⁶.

Следующее по времени неармянское издание Моисея Хоренского— это второе латинское издание, осуществленное в 1736 г. в Лондоне братьями Вистон⁴⁷.

Это издание также уже в XVIII в. было известно в России и имело хождение в научных кругах. Этим изданием и пользовался Карамзин. Если судить по его письму Н. Н. Новосильцеву, то оно имелось в Академической библиотеке.

В Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина сохранился весьма интересный экземпляр этого издания⁴⁸. На оборотной стороне титульного листа этого экземпляра сделана интересная рукописная дарственная надпись на армянском и русском языках идентичного содержания. Эта запись свидетельствует о том, что «книга сия История Армянская»—подарена святотроицкой лавре Сергия Чудотворца «от Иосифа Архиепископа Армянского, в память его и всей нации армянской»—20-го июля 1779 г. Упомянутый архиепископ Иосиф, от имени которого сделана надпись, не кто иной, как патриарх всех армян России, князь Иосиф Аргутинский—Долгорукий. Тесно связанный с придворными и общественными кругами России, князь Аргутинский—Долгорукий играл в тот период важную роль в русско-армянских отношениях, в создании планов и проектов, касающихся будущего Армении. Естественно, что он старался ознакомить круги, в которых вращался

⁴⁵ А. И. Юхт, Из наследия В. Н. Татищева («История и историки» за 1973 г., М., 1975, стр. 298—299).

⁴⁶ Шифр ГБЛ: МК $\frac{\text{Moses}}{\text{лат. 8}^{\circ}}$.

⁴⁷ Mosis Chorenensis, Historiae Armeniacae, libri III.. Londini, MDCCXXXVI.

⁴⁸ Шифр ГБЛ: МК $\frac{\text{лат. 4}^{\circ}}{\text{Moses}}$.

сам, с прошлым и настоящим Армении, придавая этому политическое значение.

Именно об этом свидетельствует обнаруженная нами вышеприведенная надпись. Следует полагать, что это был не единственный экземпляр книги Моисея Хоренского, преподнесенный Аргутинским—Долгорукиным отдельным лицам.

В 1786 г. уже выходит на русском языке отрывок «Плач» из «Истории» Моисея Хоренского⁴⁹.

В 1805 г. И. О. Потоцкий издает географические карты—«археологический атлас Европейской России», одна из которых была составлена по данным Моисея Хоренского⁵⁰.

В 1806 г. вышла в свет книга Сестренцевича—Богуша по истории Крыма. В этой книге мы также встречаем ссылки на Моисея Хоренского⁵¹.

В 1809 г. выходит в свет первый перевод труда Моисея Хоренского на русском языке, осуществленный Иосифом Иоаннесовым⁵².

Как мы отметили, три письма Карамзина о Моисее Хоренском написаны именно в 1809 г. Обращает на себя внимание совпадение этой даты с выходом в свет первого перевода труда Моисея Хоренского на русском языке. Мы не можем утверждать наличия прямой связи между этими двумя обстоятельствами, но было бы логично высказать предположение, что интерес Карамзина к Моисею Хоренскому мог сыграть определенную роль в осуществлении издания его «Истории» на русском языке.

В заключение следует также отметить, что творчество Н. М. Карамзина было известно армянской общественности и читательским кругам.

В 1826 году, еще до присоединения Восточной Армении к России, Хачатур Абовян переводит на армянский язык отрывок о Левоне VI из «Писем русского путешественника» Карамзина⁵³.

В дальнейшем, в 30-е гг., находясь на учебе в Дерпте, Абовян переводит на армянский язык балладу Карамзина «Раиса» и стихотворение «Остров Борнхольм»⁵⁴. В его «Дерптских дневниках» за 1832 г. имеются интересные записи о встречах и беседах с сыновьями Карамзина⁵⁵.

Н. М. Карамзин возымел определенное воздействие и на дискуссии 60-х гг. XIX в. по вопросам развития армянского языка. В ходе борьбы

⁴⁹ «Плач о Армении. Из сочинений славного армянского историка Мовсеса Хорилапеса. Перевел с армянского на российский язык В. В.»; в С.-Петербурге. Печатана с дозволения управы Благочиния у Шнора. 1786 года.

⁵⁰ «Вестник Европы», 1805, часть 22, № 15, стр. 232.

⁵¹ «История о Таврии, сочиненная на французском языке Станиславом Сестренцевичем-Богушем», СПб., т. II, 1806, стр. 13, 21.

⁵² «Арменская история с кратким географическим описанием древней Армении». в 2-х частях, СПб., 1809.

⁵³ Խ. Արվաշի, Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 7, Երևան, 1956, էջ 217—218.

⁵⁴ Там же, т. I, стр. 295—298.

⁵⁵ Там же, т. 6, стр. 245.

мнений по этим вопросам Р. Патканян и другие армянские писатели ссылались на взгляды Карамзина относительно развития русского языка⁵⁶.

Именно это имел в виду и Юрий Веселовский, когда в своей статье «Шестидесятые годы и армянский журнал в Москве» писал, что эти дискуссии «справедливо сравнивали с борьбой между сторонниками Шпшкова и Карамзина; да и самый взгляд «Северного Сияния» за необходимость развития языка, его приспособления к потребностям жизни, нежелательность высконарных и устаревших выражений напоминает теорию Карамзина»⁵⁷.

Естественно, однако, что наибольший след Карамзин оставил в армянской историографии, главным образом в источниковедческом смысле. Трудом Н. М. Карамзина как источником пользовались почти все видные армянские историки прошлого. Пользуются этим источником и советские армянские историки при разработке вопросов истории русско-армянских отношений.

Вышеизложенное дает основание для следующих кратких выводов:

1. Н. М. Карамзин одним из первых и наиболее полно по сравнению со своими предшественниками внес в обращение в русской исторической науке конкретный материал по истории русско-армянских отношений и истории армянского народа, взятый им из ценнейших русских первоисточников—летописей и других литературных памятников.

2. Этот материал и поныне представляет большую фактическую ценность, и многие из приведенных Карамзиным данных не потеряли своего значения.

3. Н. М. Карамзин одним из первых в русской исторической науке оценил значение армянских источников и использовал их в своих трудах.

4. Учитывая большую популярность «Истории Государства Российскаго» Н. М. Карамзина в свое время, можно отметить и то, что он способствовал ознакомлению русской общественности, широких читательских кругов с материалами по армянской истории и русско-армянским отношениям, что имело большое значение именно в этот период, в первой четверти XIX в.—в канун присоединения Восточной Армении к России.

5. Что же касается тех фактических материалов, которые потом были пересмотрены, уточнены или даже отброшены наукой и потеряли ныне свое значение, то и они интересны в историографическом отношении, в аспекте нашей проблемы—истории исторической науки.

Материалы, содержащиеся в трудах В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и других представителей дворянской исторической науки, а также у многих историков I-ой трети XIX в., принадлежа-

⁵⁶ *Ա. Էսթիվոսյանի, Նախնային և նրա ժամանակը, Երևան, 1955, էջ 193:*

⁵⁷ Ю. А. Веселовский, Очерки армянской литературы, истории и культуры, Ереван, 1972, стр. 168.

щих к другим направлениям, характеризуют, если можно так выразиться, период первоначального накопления в русской исторической и вообще гуманитарной науке фактов, данных, мыслей и взглядов по истории и культуре Армении, совокупность которых, в дальнейшем, на протяжении XIX в., вылилась в мощный поток русской арменистики.

**ՆՅՈՒԹԵՐ ՀԱՅ ԺՈՂՈՎՐԴԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ Ն. Մ. ԿԱՐԱՄՁԻՆԻ
ԱՇԽԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ**

Ռ. Հ. ԽԱՋԱՏՐՅԱՆ

Ա մ փ ք փ ք լ մ

Ռուս նշանավոր պատմաբան Ն. Մ. Կարամզինը առաջիններից մեկը գիտական շրջանառության մեջ է դրել ռուս-հայկական հարաբերություններին և հայ ժողովրդի պատմությանը վերաբերող արժեքավոր նյութեր՝ քաղելով դրանք ռուսական արժանահավատ տարեգրություններից, զրական հուշարձաններից, զանազան արխիվներից: Այդ նյութերը այսօր էլ պահպանել են իրենց ազդյունազիտական նշանակությունը: Կարամզինի «История Государства Российскаго» աշխատությունը զգալապես նպաստել է ռուս հասարակությանը ծանոթանալու հայ-ռուսական հարաբերություններին վերաբերող նյութերին՝ Արեւելյան Հայաստանի՝ Ռուսաստանին միանալու նախօրին: